

Легенда о швейцарском рае. 11. Когда Лев Толстой разрушает «швейцарский миф» | La légende du paradis suisse. 11. Quand Léo Tolstoï se met à détruire le « mythe suisse »

Auteur: Наталья Беглова, [Женева](#) , 12.06.2020.

Лев Толстой в мундире участника Крымской войны. Фото С. Левицкого, 1856 г.

Мы продолжаем публикацию серии очерков российской писательницы и автора Нашей Газеты Натальи Бегловой, посвященных истокам швейцарского мифа.

Nous continuons la publication d'une série d'essayes de Natalia Beglova, une écrivaine russe et une fidèle auteur de Nasha Gazeta, consacrée aux origines du mythe suisse.

La légende du paradis suisse. 11. Quand Léo Tolstoï se met à détruire le « mythe suisse »

С середины XIX века все больше русских приезжают в Швейцарию с самыми различными целями: кто-то набраться ума-разума в учебных заведениях, кто-то поправить здоровье на ее целебных источниках. Но большинство путешественников стремятся сюда, чтобы воочию увидеть места, описанные Руссо и Байроном, Карамзиным и Жуковским. И не скрывают своего восторга. Мы уже проследили это на примере нескольких русских поэтов, поговорим теперь о русских писателях, с которыми все сложнее. В их письмах и произведениях еще можно найти, хотя и не так часто, упоминания о красотах Швейцарии. Но все больше становится тех, кто не слишком ими очаровывается и совсем не впадает в восторг от местных жителей.

Напомним, что понятие «швейцарский миф» состоит из двух составляющих: восхищение швейцарской природой и идеализация швейцарцев и их образа жизни. Посмотрим, что увидел в Швейцарии великий русский писатель Лев Николаевич Толстой.

Наши постоянные читатели [знают](#), что в 1857 году Толстой, которому тогда было двадцать восемь лет, совершал свое первое длительное заграничное путешествие. Побывав в Париже, он отправился в Швейцарию. Его знакомство с этой страной началось с Женевы, куда Толстой заехал специально, чтобы повидаться со своими родственницами – графинями Александрой и Елизаветой Толстыми. Лев Николаевич поселился на берегу Женевского озера в деревушке Кларан, «в том самом местечке, где жила Юлия Руссо...» Об этом он пишет своей тетушке Татьяне Александровне Ергольской, по сути воспитавшей его, и признается, что в восторге от окрестностей: «Не буду пытаться описывать вам всю красоту этого края, особенно теперь, когда все в зелени и цветах. Я вам скажу только, что буквально невозможно оторваться от этого озера, от этих берегов, и что я провожу большую часть моего времени в созерцании и восхищении, гуляя или просто стоя у окна моей комнаты».

Кларан. Здесь остановился Лев Толстой в 1857 году. Старинная фотография

Казалось бы, классический пример реакции на красоту швейцарской природы. Но простой констатацией Толстой не ограничивается, он всегда и во всем находит повод для размышлений, философских обобщений. Это видно, когда мы читаем его «Путевые записки по Швейцарии», в частности, отрывок, посвященный пребыванию Толстого все в том же Кларане.

В описываемое время в горах над Монтрё, рядом с которым находится Кларан, цветут нарциссы. Лев Николаевич решает отправиться в деревню Лез-Аван (Les Avants), славящуюся своими цветочными полями. От хозяйки гостиницы, где Толстой проводит ночь, он узнает, что поля с нарциссами, которыми он только что любовался, «скверные луга для скотины». Эта фраза становится для Льва Николаевича импульсом к мучительным размышлениям о противоречии между красотой и пользой: «Неужели такой закон природы, что полезное противоречит прекрасному, цивилизация - поэзии? - пришло мне в голову. - Зачем же эта путаница? Зачем несогласуемые противоречия во всех стремлениях человека? - думал я, чувствуя в то же время какое-то сладкое чувство красоты, наполнявшее мне душу».

Поля нарциссов в районе Лез-Аван - «скверные луга для скотины».

Далее писатель признается, что не смог найти ответ на это вопрос и предпочел остаться в состоянии неопределенности, колебания, поскольку только это – «единственное справедливое жизненное чувство». В дальнейшем в произведениях Толстого мы никогда не увидим однозначной оценки событий или людей, мы не встретим стопроцентных негодяев или безупречных героев. А его главные персонажи, вечно раздираемые противоречиями, ищущие и не находящие однозначных решений, будут, как и сам автор, «довольствоваться гармоническим колебанием», классический пример тому Пьер Безухов.

Толстой совершил восхождение на гору Дан-де-Жаман (Dent de Jaman). Открывающийся с нее замечательный вид оставил его равнодушным: «Это было что-то красивое, даже необыкновенно красивое, но это не природа, а что-то такое хорошее. Я не люблю этих так называемых величественных знаменитых видов — они холодны как-то». И далее следует попытка разобраться в себе, понять, отчего он не может, как те же англичане, которых он постоянно встречает во время путешествия, наслаждаться швейцарскими пейзажами. «Странная вещь – из духа ли противоречия, или вкусы мои противоположны вкусам большинства, но в жизни моей ни одна знаменито-прекрасная вещь мне не нравилась. Я остался совершенно холоден к виду этой холодной дали с Жаманской горы (гора Дан де Жаман – Н.Б.); мне даже и в голову не пришло остановиться на минуту полюбоваться. <...> Мне дела нет до этой дали. Жаманский вид для англичан. Им, должно быть, приятно сказать, что они видели с Жаман озеро и Вале и т.д.» А в дневнике Льва Николаевича появляется вот такая запись, подводящая итог впечатлениям: «Я холоден чрезвычайно к здешней

природе».

Толстой остался совершенно равнодушен «к виду этой холодной дали», открывающейся с горы Дан-де-Жамон (фотография А. Ярмыш)

Надо сказать, что, когда читаешь дневниковые записи Толстого этого периода, трудно догадаться, что он находится в Швейцарии – столь мало там восторга и умиления и столь много раздражения и неприятия. На его страницах мы то и дело встречаем такие выражения как «ненормальное, ничего не говорящее зрелище», «отвратительный глупый вид». Швейцарские пейзажи не приносят мира в душу Льва Николаевича, и в итоге он приходит к парадоксальному выводу: «Не наслаждением отзывается в моей душе красота природы, а какой-то сладкой болью».

Восприятие Толстым швейцарской природы открывает новый этап «швейцарского мифа» – постепенный подрыв его основ. В данном случае речь идет о разрушении самого фундамента «швейцарской легенды»: восхищения его природой. Все чаще будут встречаться среди русских путешественников те, кому она кажется либо слишком прилизанной, игрушечной, либо, когда речь идет о горных пейзажах, холодной и бездушной.

Но Толстой не останавливается на этом. Он уверенно начинает разрушать и второй компонент, лежащий в основе «швейцарского мифа», – идеализированный образ жителей, по его мнению, не отличающихся завидными душевными качествами. А ведь они выросли на лоне природы, как и завещал не «великий Ленин», но великий

Руссо.

Фреска «Святая вечеря» в церкви Святого Мартина на холмах Дитто неподалеку от деревни Куньяско, кантон Тичино

В поездке по Швейцарии многое раздражает Толстого. Постоянно встречаются записи такого толка: «кофей из ваксы», «грязная харчевня с клопами», «грязная постель с клопами». Но особенно беспощадны комментарии Толстого в отношении населения. Даже на страницах еще достаточно поэтичных «Путевых записок по Швейцарии» запись о встрече со швейцарцем резюмируется следующим образом: «Я нигде не встречал такой уродливой идиотической старости рабочего класса как в Швейцарии». А когда читаешь дневники писателя, то складывается впечатление, что Льву Николаевичу явно не везло. В лучшем случае местные жители – «самодовольные», в худшем – «поганые» буржуа, а народ в целом «непоэтичный» и «шутливо кретинически добродушный». Надо сказать, что на встречи с кретинами Льву Николаевичу на удивление везло. Такого количества слова «кретин» на нескольких страницах текста я еще не встречала.

Но не будем спешить обвинять Толстого в необъективности. Сегодня мы используем слово «кретин» в качестве бранного, забыв, что это медицинский термин. Как оказалось, на протяжении многих веков недостаток йода в воде и пище жителей Альп, в частности, в таких странах как Швейцария, Австрия, Италия и Франция, приводил к массовым заболеваниям щитовидной железы – к гипотиреозу, крайним

проявлений которого является кретинизм. Согласно некоторым источникам, слово «кретин» произошло от французского crétin (кретин), с свою очередь производного от латинского слова christianus (христианин). В средние века слово crétin зачастую применялось в отношении всех слабоумных. По мнению церкви, умалишенный, даже нарушающий заповеди, богоугоден, так как поступает не понимая, что такое грех.

Имеется немало свидетельств того, что заболевание было распространено в Швейцарии издавна. Об этом говорят даже произведения искусства, например, фреска «Тайная вечеря» неизвестного художника XV века в церкви Сан-Мартино в местечке Дитто ди Кунасco в Тичино (Chiesa di San Martino, Ditto di Cugnasco, Canton Ticino). Иуда Искариот изображен с зобом и другими явными признаками слабоумия. Уточню, что зоб, как правило, является ярким симптомом эндемического (то есть местного, свойственного данной местности) кретинизма, вызванного дегенеративными изменениями щитовидной железы. Очевидно, что художник знал о связи зоба и слабоумия и не случайно представил именно этот персонаж кретином, желая подчеркнуть его негативный характер. Кстати, полагают, что слово «кретин» ввел в медицину в начале семнадцатого века также швейцарец – знаменитый врач, естествоиспытатель и писатель Феликс Платтер.

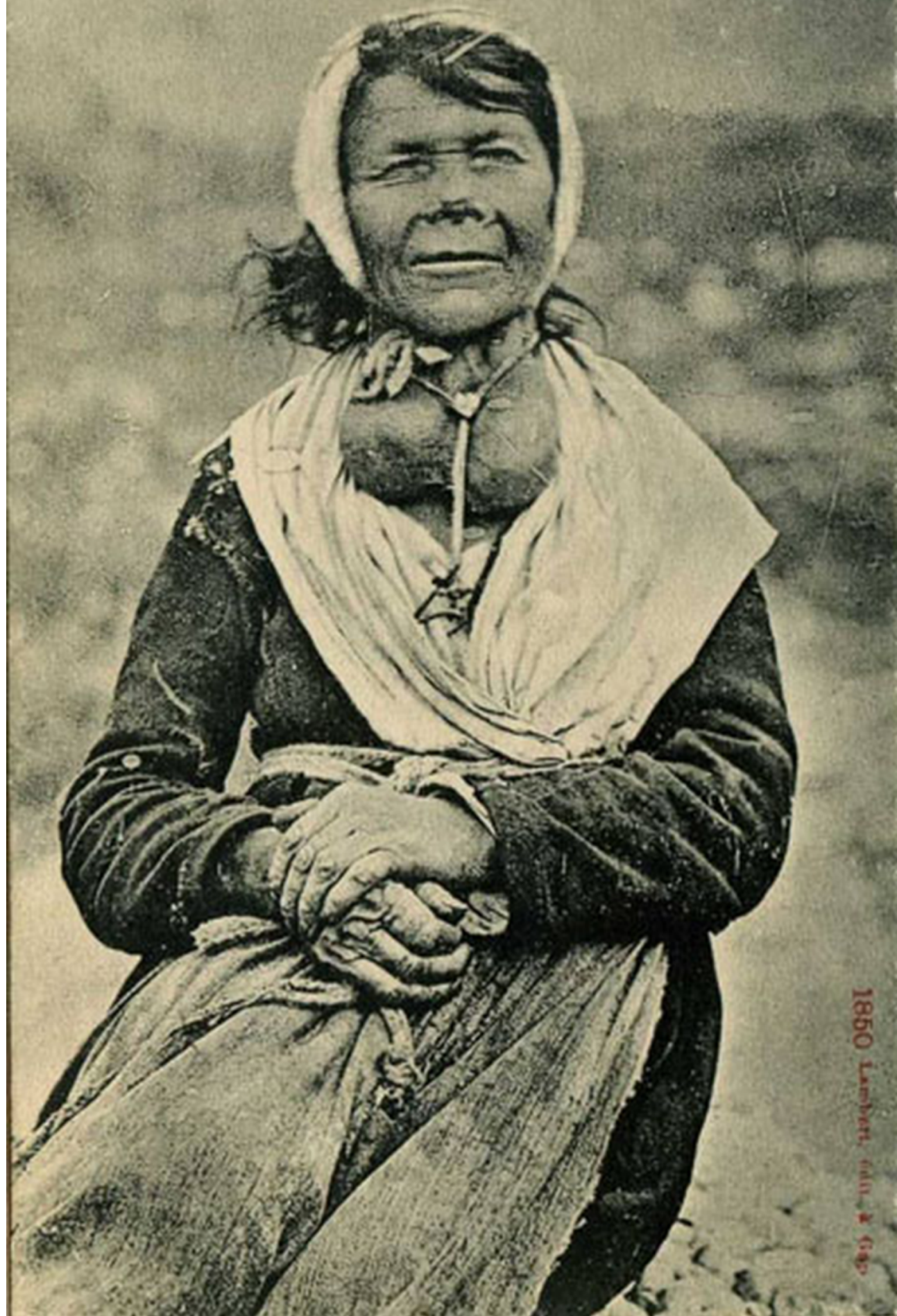
Люди, страдающие кретинизмом. Старинная гравюра

Очень долго причины возникновения болезни были неизвестны. Какие только гипотезы не выдвигались: плохая вода, застоявшийся воздух в долинах. Лишь в конце XIX века было высказано предположение, что проблема – в недостатке йода, что в 1910 году убедительно доказал австрийский психиатр Юлиус Вагнер-Яурегг. Начиная с 1918 года швейцарский врач Отто Байар (Otto Bayard) в Зерматте начал использовать йодированную соль для лечения заболеваний щитовидной железы. Его

эксперимент был настолько успешным, что с 1922 года в Швейцарии стали выпускать соль с добавлением йода. С этого момента количество заболеваний резко пошло на убыль.

Это отступление понадобилось для того, чтобы показать: Толстой ничего не выдумывал и не преувеличивал. На его пути действительно могли постоянно встречаться люди, чья внешность говорила о серьезном заболевании – кретинизме. Остается лишь удивляться тому, что ни Карамзин, ни Жуковский не заметили того, что увидел Толстой. Скорее всего, им просто не хотелось разрушать стройную теорию об идеальном человеке, живущем на лоне идеальной природы. А Лев Николаевич не побоялся нанести по ней чувствительный удар.

Les Alpes - Atrophies des Hautes Montagnes

1850 Lambert, coll. A. G. G.

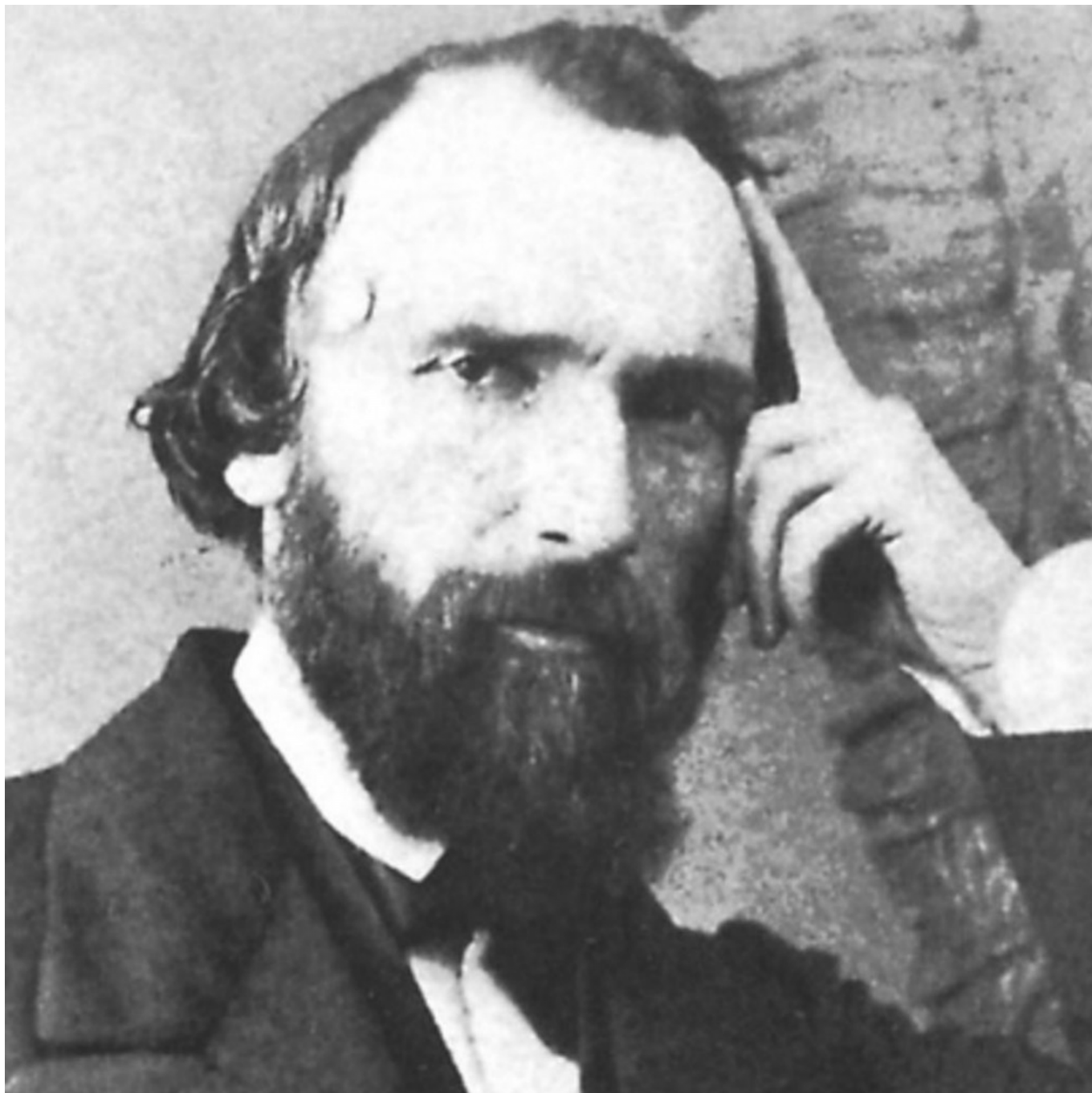
Почтовая открытка XIX века с изображением жительницы Альп

Толстой не довольствовался констатацией того факта, что среди простых швейцарцев он встречал множество людей, которых нельзя было назвать не то что идеальными, а даже нормальными. Он пошел еще дальше, заявив, что и среди вполне благопристойной публики мало тех, кто ведет себя в соответствии со званием идеального человека. И произошло это после его поездки в Люцерн. Вечером перед отелем «Швейцергоф», где остановился писатель, странствующий музыкант исполнял песни, подыгрывая себе на гитаре. Пел он хорошо, и его с удовольствием слушали. Но когда он попросил окружающих его людей подать ему что-нибудь за игру, никто ничего не дал. Более того, над певцом стали подшучивать, а кое-то и смеялся над ним. Возмущенный Лев Николаевич решил угостить музыканта в ресторане своего отеля, но и тут обслуживающий персонал отеля и ресторана повел себя не лучшим образом. Толстой потрясен черствостью и равнодушием проявленными всеми по отношению к музыканту.

Вечером в дневнике писатель делает такую запись: «Взглянул в окно. Черно, разорванно и светло. Хоть умереть. —Боже мой! Боже мой! Что я? и куда? и где я?»

Вскоре на свет появляется рассказ «Из записок князя Д. Нехлюдова. Люцерн», в котором Толстой клеймит бездушных швейцарцев. Так, «счастливые люди» Карамзина и Жуковского, у Льва Николаевича оказались бессердечными.

Однако были в жизни русского писателя два швейцарца, которыми он не просто восхищался, а считал величайшими умами человечества. Первый –Жан-Жак Руссо. В середине 19 века сентиментализм вышел из моды, и романы в духе «Юлии, или Новой Элоизы» многим казались устаревшими. Многим, но не всем. Лев Николаевич Толстой как-то сказал, что «Руссо не стареет», а о самом романе отозвался так: «Эта прекрасная книга заставляет думать».

Анри-Фредерик Амьель. Фотография

В более зрелом возрасте Толстой открывает для себя еще одного швейцарца, чьи идеи оказываются чрезвычайно созвучными его взглядам. Осенью 1892 года Лев Николаевич прочитал на французском языке отрывки из дневника женевого профессора Анри-Фредерика Амьеля (Henri-Frédéric Amiel. «Fragments d'un journal intime») и сделал такую запись: «Amiel очень хорош. <...> К Amiel'у хотел бы написать предисловие». Швейцарский писатель, поэт, мыслитель-эссеист Амьель заслуживает отдельного очерка. Скажем лишь, что его взгляды оказались чрезвычайно созвучны философским воззрениям Толстого, его пропаганде идеи необходимости вести простую жизнь и видеть в этом путь к спасению от разрушительных последствий технического прогресса и цивилизации. Созвучны мыслям Толстого и идеи Амьеля о том, что лишь подлинное, не поверхностное, не показное религиозное чувство достойно называться верой. В России Арни-Фредерик Амьель в то время был практически неизвестен, и Лев Николаевич загорается идеей перевести его дневник, что и сделала по просьбе отца Мария Львовна. В январском

номере «Северного вестника» за 1894 г. были напечатаны первые отрывки дневника с восторженным предисловием писателя. В нем, в частности, говорится: «...можно найти много более стройные и красноречивые выражения религиозного чувства, чем выражения религиозного чувства Амиеля, но трудно найти более задушевные и хватающие за сердце. <...> И от этого-то так искренна, серьезна и полезна эта книга».

До конца своих дней Лев Николаевич перечитывал дневники женевского профессора. Д.П. Маковицкий, домашний доктор Толстого, который был его другом и единомышленником, в своих записях также неоднократно упоминает о восхищении Толстого швейцарцем. Так, например, в октябре 1908 года Толстой заявил: «Я им (швейцарцам) благодарен за Руссо и за Амиеля. Как Амиеля мало ценят! Удивительная глубина!»

Как видим, имя Амиеля стоит рядом с Руссо, а дополняют этот ряд два величайших философа – Сократ и Кант. И это не случайная фраза. В том же году в Ясной Поляне писатель делает еще одну очень важную запись о том, что же для него является истинной жизнью. Мы узнаем, что истинная жизнь для Льва Николаевича – это все то, что было осознано им самим или открыто благодаря мудрым людям. Эти мудрецы, как пишет Толстой, сумели выразить «...словами то, что смутно таилось в моём сознании и потому, получив форму выражения, составило часть его. Так что мысли Будды, Канта, Христа, Амиеля и др[угих] составляют часть моей жизни...»

От редакции: Очерки Натальи Бегловой о швейцарском мифе собраны в особое [досье](#).

[Швейцария](#)

[памятники культуры](#)

[достопримечательности швейцарии](#)

Статьи по теме

[Вилла Бокаж: романтическая история о беженцах в ООН](#)

[«Крейцера соната» Льва Толстого, или женоненавистничество](#)

[Андрей Зорин: «Толстой и свобода»](#)

[В Люцерн, по следам Толстого](#)

[Велосипед Льва Толстого приехал в Цюрих](#)

Source URL:

<https://nashgazeta.ch/news/la-vie-en-suisse/legenda-o-shveycarskom-rae-11-kogda-lev-tolstoy-razrushaet-shveycarskiy-mif>